

И. О. Михайловский
Екатеринбург, Россия

I. O. Mikhailovsky
Ekaterinburg, Russia

«АРЦЫБАШЕВЩИНА»

«ARTSYBASHEVSHINA»

И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

AND SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с беллетристикой начала XX в. и ставшие актуальными на рубеже нового (третьего) тысячелетия: «арцыбашевщина» как явление литературы занимает место между высокой и массовой культурой, между литературой и бульварной словесностью. Образы, обозначенные в творчестве М. П. Арцыбашева, узнаваемы (к примеру, образ провинциального городка из романа «Санин») и демонстрируют процесс узнавания образа реального через художественный текст.

Abstract. The article deals with the questions state of Russian belles-lettres in the beginning of XX century that become actual at the turn of the new millennium. Works by Mikhail Artsybashev and trends caused by his activity are the line between elite and popular culture, between text of literature and pulp fiction. The images in his books are the reflection and representation of reality.

Ключевые слова: М. П. Арцыбашев; социально-культурный контекст; литература Серебряного века; массовая литература.

Key words: M. P. Artsybashev; social and cultural context; literature of Silver Age; pulp fiction.

Сведения об авторе: Михайловский Игорь Олегович, аспирант кафедры культурологии.

About the author: Mikhailovsky Igor Olegovich, Postgraduate Student of the Chair of Culturology.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: the Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: Nerdish@ya.ru.

В 1900—10-х гг. М. П. Арцыбашев (1878—1927) входил в число самых известных русских писателей, а его творчество, вызывавшее многочисленные как литературные, так и внелитературные споры, породило немалое количество подражателей, среди которых можно назвать А. П. Каменского, А. А. Вербицкую, Е. А. Нагродскую, В. К. Винниченко, Н. Санжарь, А. Мар и др., что позволило критикам поставить писателя во главу целого литературного течения. Однако сегодня эти явления отечественной словесности относятся к наименее изученной части литературного контекста эпохи начала XX в.

Между тем на современном этапе изучения русской литературы означенного периода большое значение приобретает реконструкция реальной картины прошлого, отражающей объективные историко-литературные закономерности. Поэтому оказываются значимы исследования, посвященные не только классикам литературы XX в., но и писателям так называемого второго ряда, не осуществивших значительных прорывов в своем творчестве, но составлявших литературную среду, обозначавшую проблематику времени, устанавливавшую ориентиры, в определенной степени задававшую направление и степень влияния литературы на духовную жизнь общества в целом (о взаимодействии социокультурного контекста и творческой личности см. подробнее: [Симбирцева 2007]). Актуальным представляется нам и обращение к личности М. П. Арцыбашева, чья фигура и судьба наследия чрезвычайно показательны,

особенно если принимать во внимание его подражателей и последователей.

По подсчетам М. Н. Николаева, за время, прошедшее с выхода первых произведений М. П. Арцыбашева, и до 1917 г. его творчеству было посвящено 146 книг и крупных газетно-журнальных статей [Николаев]. Большая часть этих публикаций приходится на отзывы литературной критики о романе «Санин», вышедшем в 1907 г., в котором, по общему мнению, были сконцентрированы идеи всего предшествующего творчества писателя. Чрезвычайно спорный центральный образ героя-чувственника, героя-гедониста принес роману скандальную известность и рыночный успех, поляризовав критические оценки произведения, разделившиеся, с одной стороны, на восторженные, с другой — на сугубо негативные.

Именно в это время критиками было введено в литературный оборот понятие «арцыбашевщина», фиксировавшее обостренное внимание художника к «вопросам пола», вскрытию и утверждению «животной» природы человеческих мотивов и поступков. В состав ее прежде всего попали произведения как явных, так и невольных подражателей М. П. Арцыбашева: романы «Люди» (1910) А. П. Каменского, «Дух времени» (1907) и «Ключи счастья» (1909—1913) А. А. Вербицкой, «Гнев Диониса» (1911) Е. А. Нагродской и нек. др. Однако концептуализации данного понятия тогда осуществлено не было.

Поскольку в советское время как роман «Санин», так и вышеупомянутые произведения

были под запретом, они не издавались и практически не изучались. Однако со второй половины 1960-х гг. в отечественной науке начали происходить коренные сдвиги в освоении русской литературы конца XIX—XX в., что привело к переоценке многих ценностей и сделало возможным научное рассмотрение творчества указанных писателей.

Наиболее близко к характеристике «арцыбашевщины» как феномена культурной жизни начала века подошла в этот период Ю. Бабицева, определив «арцыбашевщину» как литературные произведения, восходящие типологически к творчеству автора «Санина» и «ставшие весьма примечательным явлением пореволюционной литературы» [Бабицева 1983: 589]. Говоря об этих произведениях, созданных в подражание «Санину», как о «многочисленных санинских „дублерах“» [Там же: 589], Ю. Бабицева констатирует наличие двух тенденций в раскрытии идей, содержащихся в романе Арцыбашева: «это ряд произведений, в разных вариантах раскрывавших принцип эгоцентризма как жизненную программу „нового человека“, и ряд, где в центре внимания оказалась „проблема пола“ в ее характерном для эпохи реакции „санинском“ разрешении» [Там же: 590]. К первому типу Ю. Бабицева относит романы «В смутные дни» С. И. Фонвизина, «Чертюва кукла» З. Гиппиус, «Люди» А. Каменского, ко второму — «Крылья» М. Кузьмина, «Тридцать три уroda» Л. Зиновьевой-Аннибал, «Миллионы» Ф. Сологуба, «Флейта Вафила» С. Ауслендера, «Марево» Ю. Слезкина, «Мертвая зыбь» О. Миртова, «Ключи счастья» А. Вербицкой и др. Как можно заметить, список этот весьма неоднороден и неоднозначен, что вызвано, на наш взгляд, репродуцированием устойчивых предрассудков и дискриминационных клише, распространенных как в дореволюционной, так и в советской критике по отношению к упомянутым литературным явлениям.

Являлся ли феномен «арцыбашевщины» отражением определенных общественных идей и настроений начала XX в. или же авторы произведений, относимых критикой к данному литературному явлению, сами пытались формировать их? Для этого, наряду с раскрытием тех причин, по которым именно роман М. П. Арцыбашева «Санин» стал объектом для подражания других названных нами авторов в соответствующей нише литературного процесса начала XX в., следует обратить внимание на проблему востребованности подобных явлений отечественной словесности, т. е. рассмотреть основные характеристики читательской аудитории и читательских предпочтений указанного периода и выявить особенности статусного своеобразия произведений представителей «арцыбашевщины».

Вместе с тем в контексте проблемы востребованности художественного произведения невозможно не учитывать влияние на восприятие

читательской аудиторией того или иного текста периодической печати, публицистических и литературно-критических изданий. По словам В. Е. Красовского, «журналисты (критики и публицисты), используя свои „дирижерские“ возможности, способны превратить факт литературы в злободневный факт духовной жизни общества, актуализировать или заострить полемический потенциал, заложенный в художественном тексте» [Красовский 2009: 202]. Именно такими текстами во второй половине 1900-х — нач. 1910-х гг. стали романы М. П. Арцыбашева, А. П. Каменского, А. А. Вербицкой, Е. А. Нагродской и др.

Появление этих произведений во многом было связано с новым этапом развития русской культуры. Для начала XX в. было характерно значительное увеличение интереса к чтению в средних и «низовых» слоях общества, чему способствовала в том числе революция 1905 г., прямо или опосредованно повлиявшая на мировоззрение широких масс, а также снятие прежних жестких цензурных ограничений.

В 1900—10-х гг. читательская аудитория не представляла собой единого целого. Это был сложный конгломерат разных социокультурных групп, имеющих свои читательские пристрастия [см., напр.: Чтение в дореволюционной России]. Для анализа интересующей нас проблемы важно то, что каждый пласт литературы имел своего читателя. «Идейную», «серьезную» литературу преимущественно читали широкие слои интеллигенции (учителя, врачи, инженеры и др.), учащаяся молодежь (студенты, курсистки, гимназисты). «Легкое» же чтение было, как правило, интересно «низовым» читателям: служащим невысокого ранга, приказчикам, грамотным рабочим и т. п. (при всей условности подобного разделения). Значительную массу читателей составляли женщины, принадлежавшие к разным социальным слоям, но во многом объединяемые специфическими «женскими» запросами.

Многие популярные писатели начала века учитывали психологию своего читателя, увлекавшегося чтением романтической литературы (прежде всего низкокачественными переводами А. Дюма, Сю, Понсон дю Террайля и др.) и в то же время желавшего соприкоснуться с актуальными художественными идеями. Например, А. Вербицкая в романе «Ключи счастья» точно определила, какому читателю адресовано не только ее произведение, но и, шире, беллетристика начала XX в.: «Тот, кто думает, будто рабочему и мастерице не нужна красота, тот совершенно не знает этого читателя. Дайте ему очерки из фабричной жизни, которая ему осто-чертела <...> быт деревенный, который он знает лучше того, кто пишет, <...> — ничего этого он читать не станет. Ему скучно. <...> Он романтик, этот читатель <...>. И от литературы они ждут не фотографии, не правды нашей маленькой, грязенькой, будничной правды, а <...> прорыва

в вечность. <...> Литература должна быть не отражением жизни, а ее дополнением» [Вербицкая 1993: 340].

Связана подобная позиция писательницы была со специфическим статусом подобного рода явлений отечественной словесности, который состоит, по выражению Е. Дьяковой, «в средостенном, промежуточном их положении — между высокой и массовой культурой, между литературой — и бульварной словесностью» [Дьякова 2000: 669], причем исследовательница акцентирует внимание на исходящие из этой черты разнородность и разнокачественность рассматриваемых культурных артефактов: «...между лучшими произведениями Арцыбашева и популярнейшими книгами Вербицкой — дистанция огромного размера» [Там же: 669].

Зависимость от высокой традиции, наличие которой, например в форме связи ранних произведений М. П. Арцыбашева с тематикой творчества ряда писателей-современников, отмечает Н. Зоркая («Социально обличительные, обращенные к жизни «низов» арцыбашевские рассказы 1902-1905 гг. в той же степени, как к чеховской прозе, примыкали к кругу «Знания», испытывали на себе влияние тематики, материала, стилистики М. Горького, <...> а также имели прямую, точнее прямолинейную связь с идеалами толстовства» [Зоркая 1976: 143]), сочеталась здесь с использованием мифов и штампов литературного бульвара. Об актуальности творчества М. П. Арцыбашева и его подражателей и последователей для «низовой» городской культуры начала XX в. свидетельствовал и грандиозный успех у российского массового зрителя фильмов «Ревность», «Мститель», «Закон дикаря», «У последней черты», снятых по мотивам произведений М. П. Арцыбашева; не меньшим успехом пользовались и экранизации романа А. А. Вербицкой «Ключи счастья», а также киноленты по сценариям А. Каменского.

Последнее обстоятельство вкупе с обозначенными нами ранее тенденциями развития читательской аудитории в начале XX в. позволило некоторым исследователям [см.: Грачева 2000; Красовский 2009] отнести вышеобозначенные романы к категории романов-бестселлеров, новой для русской литературы начала XX в. Однако и здесь в качестве причин читательского успеха бестселлеров называется их промежуточный статус: между высоким искусством и искусством бульвара, их способность устанавливать диалогические отношения между двумя этими крайностями.

Отсюда и проистекают характерные черты творческого метода рассматриваемых авторов: мифологическая основа образа главного героя, полемичность с русской классической литературой и др. [Там же] В романе «Санин», например, главный герой принадлежал именно к этому мифологическому по своей основе типу: все персонажи произведения, кроме главного ге-

роя, сформировались под влиянием среды и обстоятельств, и их действия были подвластны этим силам; только о Санине сразу же сообщалось, что «никто не следил за ним, ничья рука не гнула его, и душа этого человека сложилась свободно и своеобразно, как дерево в поле» [Арцыбашев 2002: 3]. Санин в трактовке М. П. Арцыбашева не просто цельная, абсолютно лишенная противоречий личность. Реалистические принципы изображения героя автором демонстративно отброшены. Это нарочито плакатный герой-нищеец, созданный с использованием средств экспрессионистской поэтики. Санин элементарен в своих поступках, намеренно депсихологизирован М. П. Арцыбашевым, но в его пространственных монологах сразу заметен стержень его мировоззрения — «гедонизм как доминирующий принцип отношения к жизни, возникший на почве нравственного и социального нигилизма» [Красовский 2009: 205]. М. П. Арцыбашев, вероятно, видел его вероучителем, способным породить волну подражателей и последователей среди той части читателей, которая могла воспринимать философские идеи только в яркой оболочке любовно-интеллектуальных «приключений» романтических героев.

Не меньшее значение в творческом методе авторов играет и полемичность с художественным сознанием XIX в., поскольку и Арцыбашев в «Санине», и Каменский в «Людах» используют и пародируют привычную сюжетную схему «тургеневского романа», сознательно и подчеркнута вызывающе трансформируя проблему личности и общественной борьбы в сексуально-физиологическую историю жизни «борца».

Так, в романе «Люди» Каменского главный герой — бывший студент Виноградов — вселился в чужие квартиры и проводил своеобразные «психологические эксперименты» над их обитателями, пробуждая подсознательные желания, инстинкты и добиваясь полной естественности, искренности человеческих отношений. К классическим пластам романов Арцыбашева и Каменского относятся спокойно эпическая манера изложения, конструирование сюжета соединением приемов семейного романа с интригой любовного романа и (в «Санине») с конфликтом романа общественно-политического. Но и в «Санине», и в «Людах» начисто опровергает эту диалогическую с XIX в. форму лишь один пласт произведений. Их аморализм находится в преднамеренно антидиалогических отношениях с любовью классического образца.

Книги А. Вербицкой «Ключи счастья» и Е. Нагродской «Гнев Диониса» тоже были произведениями о женском варианте «нового человека» — героине, освободившейся от «старых» норм в любви. Примечательно, что в «Ключах счастья» типологическая преемственность образа главной героини была декларативно подчеркнута [см.: Вербицкая 1993: 49]. Однако поскольку читательская аудитория жен-

ских романов имела свою специфику, А. Грачева применительно к романам Вербицкой вводит термин «стаффаж» (от «*staff*» — штукатурный раствор), обозначающий множество привычных для российской действительности персонажей, бытовых реалий, возникающих на периферии повествования и как бы аранжирующих центральный сюжет произведения [Грачева 2000: 72].

Например, поэтика повседневности, изображение исторического и культурного фона (подготовка революции 1905 г.) совпадает в романе «Ключи счастья» с юностью Мани Ельцовой и формированием ее внутреннего мира; окружающие Маню персонажи служат для автора олицетворением тех или иных идейных, политических, эстетических позиций. Те же художественные приемы были использованы в более скромном по масштабам романе Нагродской «Гнев Диониса», в котором история любви художницы Татьяны к двум мужчинам — мужественному Илье и женственному Старку — разворачивалась то на фоне привычных российских пейзажей, то в экзотической Италии. Читатель, и прежде всего читательница, таким образом, могли найти в произведениях Вербицкой и Нагродской массу полезных сведений, популярное изложение разного рода модных теорий и концепций, текущих исторических событий, на фоне которых происходило развертывание яркого мелодраматического сюжета.

Большинство критиков связывало появление романов Арцыбашева, Вербицкой, Каменского, Нагродской и других подобных им авторов с психологическим состоянием низовых социокультурных групп и слоев русского общества после поражения революции 1905 г. Причина успеха произведений такого рода заключалась в точном угадывании авторами «больных вопросов», волновавших их читателей.

Так, романы Арцыбашева и Каменского были адресованы в первую очередь молодому поколению — студентам, курсисткам, гимназистам. Не случайно, что в их произведениях значительное место было отведено, как говорили тогда, «половому вопросу», или «проблеме пола». Последняя, естественно, существовала всегда, но приобрела особую остроту в момент разочарования молодежи в социальных способах переустройства окружающей действительности. Атмосфера скандала, возникшая после выхода романа «Санин», была спровоцирована именно этим необычным для русской литературы тех лет вниманием автора к сексуальной жизни героев. Более того, на фоне простых и ясных жизненных принципов Санина его взгляды на секс казались некоторым критикам не просто «идейной порнографией», но и камуфляжем обычной распущенности. Скажем, упрощением действительно серьезной проблемы считал санинское отношение к женщине А. И. Куприн: «Как фигура — Санин бледен и несложен. Его приняли за решителя половой

проблемы — но это недоразумение. <...> Он безнравственен и паразит, не индивидуалист, а распущенник» [Куприн 2007: 305].

Однако, по замечанию современных исследователей [Грачева 2000: 71], несмотря на обвинения в порнографии, романы Арцыбашева и Каменского были написаны с учетом возрастных этических запросов молодого читателя. При жизни авторов это обстоятельство также было отслежено наиболее «проницательными» критиками. Так, В. Г. Короленко в одном из своих писем отмечал: «И тут тоже есть <...> неистовство пола в данных обстоятельствах и условиях <...> Мы совсем не трогаем этой области, предоставив ее Саниным и героиням Винниченко и Вербицкой. И они имеют громадный успех. Почему? Потому что они тронули *живое*» [Короленко 1956: 10]. Произведения упомянутых писателей, насыщенные беллетризованным изложением злободневных проблем и теорий, утверждающие утопический образ «нового человека», с легкостью преодолевавшего противоречия современности, давали молодежному читателю возможность путем самоотожествления с всемогущим героем погрузиться в иллюзию — ощутить в себе силу и возможность решить волнующие его «больные проблемы» времени.

Таким образом, феномен «арцыбашевщины» в рамках литературного процесса начала XX в. был представлен разнородными и разнокачественными явлениями, книгами М. П. Арцыбашева, А. П. Каменского, А. А. Вербицкой, Е. А. Нагродской и др., катализировавшими широкое общественное обсуждение «проблемы пола», прежде всего таких ее аспектов, как пол и личность, пол и общественность, пол и культура и др. То обстоятельство, что именно творчество Арцыбашева, в частности его роман «Санин», стало объектом для подражания остальных упомянутых нами писателей и писательниц, мы склонны объяснить не только эротической составляющей романа, впервые введенной в публичную сферу русской литературы, не имевшей традиций эротического изображения, но и доступностью образа Санина как «сверхчеловека», лишённого сомнений и колебаний, выдающего за результат коренного морального преображения личности всего лишь умение бездумно наслаждаться жизнью. Роман Арцыбашева, таким образом, предлагал простую и удобную идеологическую матрицу, суррогат мировоззрения, становясь своего рода импульсом к пересмотру практической морали и бытового поведения.

Тем не менее указанные произведения, наряду с формированием общественных идей и настроений второй половины 1900-х гг., выступили в качестве своего рода их зеркала. Громкий успех феномена «арцыбашевщины» в русской литературе начала XX в., во-первых, был обусловлен точным ответом ее представителей на духовные и эстетические запросы опреде-

ленных социокультурных слоев читательской аудитории, а во-вторых, был бы невозможен без широкого участия публицистических и литературно-критических изданий, в которых разбирается, оценивается и в конечном счете пропагандируется произведение.

ЛИТЕРАТУРА

- Арцыбашев М. П. Санин. — М.: ИД «Гелеос», 2002.
- Бабичева Ю. В. Литература в годы реакции // История русской литературы : в 4 т. Т. 4. : Литература конца XIX — начала XX века / ред. К. Д. Муратова. — Л., 1983.
- Вербицкая А. Ключи счастья : роман-дайджест: в 2 т. — СПб.: Северо-Запад, 1993. Т. 1.
- Грачева А. М. Бестселлеры начала XX в. (К вопросу о феномене успеха) // Русская культура XX века на Родине и в эмиграции: имена. Проблемы. Факты : сб. ст. — М., 2000. Вып. 1. С. 61—75.
- Дьякова Е. А. Беллетристы 1900—1910-х гг.: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). — М.: ИМЛИ РАН, 2000. Кн. 1.
- Зоркая Н. М. М. П. Арцыбашев. Адаптация «философии жизни», идей и образов русской литературы // На рубеже столетий: у истоков массового искусства в России 1900—1910 гг. — М.: Наука, 1976.
- Каменский А. П. Микроб легкомыслия : рассказы о любви, повесть. — М.: Россмэн-Пресс, 2002.
- Короленко В. Г. Собр. соч. : в 10 т. — М.: ГИХЛ, 1956. Т. 10 : Письма (1879—1921).
- Красовский Е. В. Феномен идеологического бестселлера в литературе и газетно-журнальной критике конца 1900-х годов и роман «Санин» М. П. Арцыбашева // Из истории русской литературы и журналистики : ежегод. — М., 2009. С. 201—221.
- Куприн А. И. Новейшая литература: портреты и характеристики [Лекция, прочитанная в Ессентуках 25 июля 1908 г., в конспективном изложении опубликована в газете «Терек» (1908, 29 августа)] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. — М.: Воскресенье, 2007. Т. 11 (доп.).
- Нагородская Е. Гнев Диониса. — М.: Прогресс — Литера, 1994.
- Николаев М. Н. Особенности творчества М. П. Арцыбашева. URL: <http://www.nick.pskovtel.ru/arts/decadance/person/nikolaev1.zip>. (дата обращения: 01.19.2011).
- Симбирцева Н. А. Бытие литературно-художественного произведения: культурологический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 14. С. 28—34.
- Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина ; сост. А. И. Рейтблат. — М., 1991.

Статью рекомендует к публикации д-р культур., проф. И. Я. Мурзина